

ПОЛИТИЧЕСКОЕ МИФОТВОРЧЕСТВО И СОЗДАНИЕ ИМПЕРСКОЙ ИДЕОЛОГИИ (НА ПРИМЕРЕ «РИМСКОГО МИФА»)

Политический миф – явление особой природы, живущее на грани общественной реальности и общественного идеала [2]. Влияние таких мифов сказывается как на поведении личностей и масс, так и на том образе, в котором люди видят свою историю. Мифологический компонент жизни корректирует общественную практику [5, с. 248]. Политическая мифология римлян, создавшая грандиозный образ великого и вечного Рима, получила в историографии название «римский миф».

Специфика политических мифов в том, что они создаются не массовым сознанием, а творческими личностями из среды и по заказу правящей элиты, однако при этом они всегда ориентированы на массы. Так, величественный образ родной истории, живущий в сочинениях римских авторов, во многих аспектах был интеллектуальным конструктом, т.е. мифом, но опирался он на глубинные пласты народного сознания [5, с. 248]. Даже после завоевания Италии остготами образованные римляне осознавали себя связанными общей государственной и исторической солидарностью, ощущали континуитет своего единства со времен основания Рима [5, с. 245].

«Римский миф» всегда содержал огромный имперский потенциал. Он оправдывал завоевания, утверждая превосходство римлян над другими народами и предполагая осуществление грандиозной объединительной и цивилизаторской миссии Рима в «круге земель». Превращение «римского мифа» в имперскую идеологию шло

параллельно с превращением самого Рима в мировую державу, т.е. в III-II вв. до н.э. После же окончания гражданских войн и утверждения единовластия Августа провиденциальная миссия Рима казалась осуществившейся, и Вергилий сформулировал свою знаменитую мысль о предназначении Рима править миром [Энеида, VI, 851-853]. Пропаганда непоколебимого могущества и вечности Рима – вот суть официальной нормативной идеологии, получившая выражение у современников Августа – Тита Ливия и Вергилия [6, с. 383].

Однако именно в это время меняется внутренняя структура «римского мифа». Ж. Ле Гофф писал: «Римская история... оставалась... лишь историей грандиозного закрытого мира. Город благодаря завоеваниям собирал вокруг себя все более обширные земли, пока его территория не достигла оптимальных для его обороны размеров, и тогда он в I в. н.э. решительно закрылся пограничным валом, этой своего рода китайской стеной западного мира» [3, с. 9].

Экспансионистский потенциал «римского мифа» с прекращением захватнических войн исчерпал возможности дальнейшего развития. Зато в нем появляются принципиально новые моменты: утверждение возврата на землю «золотого века», апология императора как его гаранта и хранителя «Вечного Рима». Таким образом, «римский миф» начинает приобретать черты имперской утопии.

Одной из центральных фигур «римского мифа» стал Октавиан Август. В конце принципата Августа акцент с личной гарантии правителя за вечность «золотого века» империи переносится на его династию. Начиная с III в. н.э. конкретная личность властителя уходит на задний план перед абстрактным образом императора – носителя верховной власти.

Во время кризиса III в., опровергавшего «римский миф», правящая элита государства и широкие массы населения провинций упорно демонстрировали приверженность этой утопии. Императоры III-IV вв. стереотипно обещали возвращение «золотого века». В 249 г., когда бедствия империи достигли апогея, император Филипп Аравитянин самым торжественным образом отпраздновал тысячелетие Рима. Монетные выпуски именно императоров III в. отличаются разнообразием лозунгов, связанных с пропагандой «золотого века» как составной части «римского мифа»: «Счастливейший век», «Щедрое время», «Вечность» [1, с. 477].

После падения империи универсалистская идея римской государственности жила в общественном сознании эпохи [4, с. 6]. В VI в. н.э. «последний римлянин» Кассиодор провозглашал вечность Рима и подчеркивал, что Рим по-прежнему оставался центром мира, а готское завоевание всего лишь сменило императора на короля [5, с. 129]. Даже в «темные века» европейской истории (VI-X вв.), по выражению английского историка П. Ллевелина, «Рим оставался столицей империи, пропитанной греческим и римским имперским духом» [5, с. 27].

Таким образом, «римский миф» оказался очень живуч. Он, как оказалось, сумел пережить Римское государство и стал основой и образцом для появления политических мифов позднейшего времени.

Литература

1. *Абрамзон М.Г.* Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. – М., 1995.
2. *Колобов А.В.* Этапы развития «римского мифа» // Античный вестник. – Омск, 2000 // www.centant.pu.ru/centrum/ant_ru/myth.htm
3. *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. – М., 1992.
4. *Уколова В.И.* Культура Остготской Италии // Средние века. – Вып. 46. – М., 1983.
5. *Шкаренков П.П.* Римская традиция в варварском мире. Флавий Кассиодор и его эпоха. – М., 2004.
6. *Штаерман Е.М.* Римская мифология // Мифы народов мира: Энциклопедия: в 2 томах. – М., 1982. – Т. II. – С. 380-384.